

Д.Н. Баринов

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРАХ КАК ЯВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается социальный страх как явление общественного сознания. Целью исследования является установление места и роли социального страха в структуре общественного сознания. Раскрывается специфика социальных страхов как духовного феномена, как социально-психологического состояния, способного выступать предпосылкой развития активности субъекта общественного сознания. Анализ опирается на традиционную для отечественных социальных наук теоретическую модель общественного сознания, предполагающего выделение его уровней, форм, а также взаимосвязей общественного сознания с другими явлениями духовной жизни общества. Основой анализа является социально-философская концепция духовной сферы общества, общественного сознания, давшая концептуальную модель изучения социальных страхов в духовной сфере общества. Делается вывод о том, что социальные страхи отражают закономерности соотношения эмоционального и рационального, теоретического и обыденного в общественном сознании, его форм, а также духовной и других сфер общества. Репертуар и иерархия социальных страхов определяется иерархией форм общественного сознания в тот или иной исторический период развития общества.

Ключевые слова: социальный страх, социальная тревога, общественное сознание, общественная психология, духовная сфера общества, социология эмоций, формы общественного сознания, экзистенциальные доминанты, эмоциональная атмосфера общества, социальное самочувствие.

В отечественной социальной философии сформировалась устойчивая теоретико-методологическая традиция анализа духовной жизни общества, согласно которой она рассматривалась как охватывающая всю совокупность институционализированных и неформализованных духовных явлений, процессов и закономерностей в их внутренней связи с социальными институтами, идеологическими и научными организациями и учреждениями. Поэтому в понятие «духовная жизнь общества» включались общественное сознание, духовная культура, индивидуальное сознание, повседневное сознание¹.

Конкретизацией понятия «духовная жизнь» в содержательном плане выступает категория «духовная сфера общества», под которой понимается не вся духовная жизнь, а один из ее аспектов, характеризующийся специализированной деятельностью, то есть целенаправленно организуемой обществом духовной жизнью и потому

связанной с соответствующими организациями и учреждениями².

С точки зрения сложившегося в отечественной социальной философии второй половины XX века так называемого уровневого подхода вычленение уровней духовной сферы позволяет двигаться от поверхностного понимания категории «духовная сфера» к постижению ее сущности³. В связи с этим духовная сфера общества представляется следующим образом. Ее низший уровень составляют так называемые показатели, то есть «функционирование сознания в определенных формах». В то же время духовная сфера может быть представлена как совокупность локальных социальных образований — учреждений, организаций, предприятий, более или менее институционализированных сообществ, занимающихся производством, переработкой и распространением духовной продукции. Следующий уровень предполагает анализ духовной сферы об-

¹ Чагин Б.А. Структура и закономерности общественного сознания. Л.: Наука, 1982. С. 246.

² Уледов А.К. Духовная жизнь общества. Методологические проблемы исследования. М.: Мысль, 1980. С. 35.

³ Барулин В.С. Диалектика взаимодействия сфер общественной жизни. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 35-36.

щества с точки зрения единства и взаимосвязи ее составных частей — науки, религии, идеологии, образования, искусства и т.д. Наконец, уровень более высокого порядка демонстрирует действие всеобщих законов, образующих подсистемы общества⁴.

Наряду с уровневый подходом духовная сфера общества рассматривается учеными преимущественно с точки зрения специфики общественного сознания. Основанием для этого является специализированный характер форм духовной деятельности. Это позволяет соединить уровневый подход к духовной сфере общества с ее конкретизацией в категории «общественное сознание». Общественное сознание при этом трактуется как духовная деятельность, взятая в определенный момент ее развития. Или иначе, духовная деятельность — это процесс, а общественное сознание — результат этого процесса, что позволяет говорить об изоморфизме общественного сознания и духовной деятельности. Формы и уровни общественного сознания есть в то же время формы и уровни духовной деятельности⁵. Основным же видом духовной деятельности является духовное производство, то есть «производство индивидуального и общественного сознания, производство идей, знаний, теорий, художественных образов и других духовных ценностей в их конкретно-историческом содержании и формах»⁶. Таким образом, сознание, его активность непосредственно связаны с процессом сохранения и воспроизводства жизни.

Как полагает Б.Ф. Ломов, социальная природа сознания выражается в преобразовательной деятельности человека, посредством которой осуществляется воспроизводство его жизни. Поскольку человеческая деятельность создает новые формы воспроизводства, то возникают и новые формы отражения действительности, отвечающие совместной деятельности людей⁷. «Преобразующая деятельность общества потребовала особой формы отражения, обеспечивающего предвосхищение будущего ее результата, и эта форма возникла и развилась именно как идеальное отражение»⁸.

Положение, выдвинутое Б.Ф. Ломовым, играет важную роль в исследовании социальных страхов, поскольку позволяет предположить, что страхи и тревоги служат своеобразным звеном между духовной и другими сферами общественной жизни. Исследователи общественного сознания указывают на роль духовного фактора, сознательного начала в становлении и развитии социальности. Такое значение сознания обусловлено, во-первых, тем, что сознание имеет общественную природу⁹, то есть не существует, впрочем, как и сознание индивидуальное, в голове изолированных друг от друга индивидов вне их социальных связей. А во-вторых, бытие в обществе является сознательным¹⁰. «Возникнув в процессе разделения человеческой деятельности на материальную и духовную «общие формы» сознания становятся для общественного человека преимущественно сферой производства его социальности. Формирование его личности, общественное воспитание немислимы вне комплекса идеологических воздействий — политического, нравственного, эстетического и т.д., целенаправленного и социально организованного. Это составляет прерогативу целой отрасли общественного производства — духовного производства, отвечающего за разработку и «внедрение» общественной формы человеческого сознания (и тем самым бытия) в соответствии с целями, интересами и потребностями данного общества»¹¹.

Теоретико-методологические принципы социально-философского анализа, подчеркивающие взаимосвязь общественного сознания с объективными условиями бытия людей, позволяли исследователям дифференцировать входящие в состав общественного сознания элементы и тем самым структурировать его.

Так, конкретизация понятия «общественное» предполагает выделение классового, группового и национального сознания. В свою очередь, необходимость определения содержания сознания отсылает к тем общественным отношениям, которые выступают объективной предпосылкой функционирования общественного сознания. Поэтому

⁴ Там же. С. 34-45.

⁵ Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М.: Мысль, 1988. С. 54-57.

⁶ Там же. С. 77.

⁷ Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. С. 176.

⁸ Там же. С. 177.

⁹ Моркина Ю.С. «Социально-конструктивистский подход к феноменам сознания» // Психология и психотехника. 2014. № 6. С. 587-596. (DOI: 10.7256/2070-8955.2014.6.12164).

¹⁰ Общественное сознание и его формы. М.: Политиздат, 1986. С. 28, 48.

¹¹ Там же. С. 69.

сознание дифференцируется в зависимости от характера отражения отношений людей друг к другу и к природе. Структура этих отношений (политических, правовых, моральных и т.д.) позволяет разделить общественное сознание на соответствующие формы. Наконец, поскольку каждая форма выполняет свои специфические функции, то разграничение этих функций приводит к выделению идеологии и общественной психологии как сфер общественного сознания. Такая дифференциация позволяла в дальнейшем исследовать каждый из выделенных элементов в отдельности и в их взаимосвязи между собой¹².

Выделение форм общественного сознания в указанной социально-философской традиции основывалось на различных критериях: предмет отражения, способ отражения, социальные функции общественного сознания¹³. Но все же одним из важнейших критериев разграничения форм и уровней общественного сознания оставалась практика, содержание соответствующих видов деятельности и общественных отношений, объективные условия функционирования сознания и вырастающие на их основе общественные потребности, удовлетворению которых служат эти формы¹⁴.

Таким образом, в соответствии с таким подходом выделялись уровни отражения действительности (теоретический и обыденный), формы общественного сознания (политическое, правосознание, религиозное, мораль и т.д.), а также его сферы — идеология, общественная психология, наука¹⁵.

Со временем количество выделяемых учеными форм общественного сознания стало увеличиваться. Так, в отечественной научной литературе был поставлен вопрос о правомерности выделения экономического сознания, критерии кото-

рого и основания, по сути, были аналогичны тем, что применялись и для определения других форм общественного сознания¹⁶. В настоящее время, пожалуй, ни у кого не вызывает сомнения правомерность такой формы общественного сознания, как экологическое. Более того, в современной науке, ориентированной на обновление устоявшегося во второй половине XX века подхода к анализу общественного сознания, можно встретить такие формы («сегменты») общественного сознания, как катастрофическое, патологическое, демагогическое, сумеречное, утопическое, историческое, мифологическое, иллюзорное¹⁷ и даже иерархическое сознание, обоснование которого строится на основе принципов методологического плюрализма¹⁸.

Однако, на наш взгляд, если ориентироваться на принятые в социальной философии принципы классификации форм общественного сознания, то вышеназванные «сегменты» следует отнести скорее не к формам общественного сознания, а к его состояниям. Ведь, например, утопия может быть создана как в философии, науке, так и в искусстве.

Некоторые современные исследователи общественного сознания предлагают считать ключевой категорией коммуникацию, в связи с чем понятие общественного сознания трактуется как «совокупность форм, образуемых из медиума идей (по Н. Луману) и обладающих общностью для некоторой категории индивидуумов»¹⁹. Но и

¹² Общество и сознание / Под ред. А.К. Уледова. М.: Прогресс, 1984. С. 87.

¹³ Уледов А.К. Структура общественного сознания (Теоретико-социологическое исследование). М.: Мысль, 1968. С. 45, 60-70, 148.

¹⁴ Уледов А.К. Общественная психология и идеология. М.: Мысль, 1985. С. 63.

¹⁵ Анищенко А.И., Уледов А.К. Применение структурно-функционального анализа к исследованию общественного сознания // Актуальные вопросы методологии общественных наук. М.: МГУ, 1971. С. 74-98; Общество и сознание / Под ред. А.К. Уледова. М.: Прогресс, 1984. С. 137; Общественное сознание и его формы. М.: Политиздат, 1986. С. 62.

¹⁶ Фофанов В.П. Экономические отношения и экономическое сознание. Новосибирск: Наука, 1979; Попов В.Д. Экономическое сознание: сущность, формирование и роль в социалистическом обществе. М.: Мысль, 1981; Улыбин К.А. Современное экономическое мышление. М.: Политиздат, 1987.

¹⁷ Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. С. 40-46; Косов А.В. Мифосознание: содержание и структура // Аналитика культурологии. 2007. № 2(8). (URL: <http://analculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=listsubjects>); Шукшина Л.В. Иллюзорное сознание и его функции // Интеграция образования. 2006. № 4. С. 149-153; Леона А.В. Историческое сознание как метод научного познания // Философия и культура. 2012. № 3. С. 108-114.

¹⁸ Тамбянц Ю.Г. Иерархическое сознание как социальный феномен: методологические и прикладные аспекты // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России»: В 16-и тт. М.: Альфа-М, 2006. Т. 1. С. 135-138.

¹⁹ Сатаров Г.А. Общественное мнение и общественное сознание: реальность и миф // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 14.

в таком подходе заметно стремление рассматривать общественное сознание как дифференцированное, а не однородное явление. Иными словами, существует необходимость выделения форм общественного сознания, границы которых в данном случае совпадают с границами разных социальных групп, занимающих определенное место в коммуникативной системе общества и осуществляющих некую практическую (коммуникативную) деятельность.

Согласно концепции социологии жизни²⁰, сознание (общественное, групповое, индивидуальное) мыслится как исходная категория анализа бытия человека и общества. В рамках теории и методологии социологии жизни Ж.Т. Тощенко предпочитает говорить о «реальном сознании» как альтернативе «безликому» и «аморфному» феномену, именуемому общественным сознанием. «Реальное сознание», или «реально функционирующее сознание», при этом понимается как синтез теоретического и обыденного уровней, рационального и эмоционального, элементов мировоззрения, традиций, привычек, индивидуального и теоретического сознания. «Реальное сознание» является продуктом коллективной, а не специализированной деятельности, чем оно отличается от конкретных форм (политической, нравственной и т.д.), и воспроизводится всеми видами деятельности. А потому «реальное сознание» наряду с поверхностными представлениями включает в себя и сущностное понимание жизни. В структуру «реального сознания» входят знания, убеждения, ценностные ориентации, мотивы, интересы и потребности, общественное мнение, а доминантной его характеристикой является социальное настроение²¹.

В рамках данной концепции признается взаимосвязь реального сознания с общественным бытием, с реальным «контекстом жизни человека»²².

В данном случае речь идет об отражении сознанием объективных общественных условий, закономерностей и тенденций развития общества, а также о влиянии сознания на поведение людей и общественную практику в целом. Однако автор подчеркивает, что «реальное сознание» находится внутри непосредственного опыта, а потому может рассматриваться как отражение общественных явлений именно на эмпирическом уровне. Это дает основание Ж.Т. Тощенко считать реальное сознание показателем текущего состояния общественной жизни²³.

При всей продуктивности теоретико-методологических разработок социологии жизни следует признать, что данное направление не отменяет необходимости понимания структуры и функций общественного сознания, анализа его взаимосвязи с общественным бытием. К тому же характеристики «реального» сознания — смешение элементов знаний и компонентов различных уровней общественного сознания («мозаичность»), противоречивость, фрагментарность, «пористость» и «прерывность» — совпадают с характеристиками массового сознания²⁴, в чем признается и сам автор термина «реальное сознание»²⁵.

На наш взгляд, более продуктивным является традиционный для отечественных социальных наук и востребованный современными учеными подход²⁶, ориентированный на модернизацию концепции общественного сознания с сохранением ключевых принципов традиционной для отечественной социально-философской теории точки зрения. Такой подход предложен Г.К. Овчинниковым, разграничивающим две стороны общественного сознания — всеобщие формы общественного сознания, связанные с отношением человека к природе (естественно-математическое, технологическое, экологическое, антропологическое), и так

²⁰ Троско Р.А. Виталистская социальная философия: миф или реальность? // Социология. 2006. № 2. С. 191; Григорьев С.И. Социологический витализм в истории и современной социальной теории: культуросоцентричность развития // Социология. 2004. № 1. С. 107-109; Григорьев С.И. Социологический витализм: теоретико-методологический потенциал и технологические возможности // Социология. 2005. № 2. С. 8-19.

²¹ Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате социологии // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 14-15.

²² Тощенко Ж.Т. Социология жизни как социологическая концепция исследования социальной реальности // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 3-12.

²³ Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. С. 20-27.

²⁴ Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. С. 326-334; Грушин Б.А., Бурдые П., Шампань П. Общественное мнение // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 214-220.

²⁵ Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. С. 45.

²⁶ Лавриненко В.Н. Духовная жизнь общества: социально-философское измерение // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 193-198.

называемые традиционные формы общественного сознания, или идеологические, отражающие отношения людей друг к другу (политическое, правовое, мораль, религия и т.д.). Содержание «всеобщих» форм в наименьшей степени обусловлено социальными интересами, потребностями, ценностями человека. Напротив, содержание идеологических форм общественного сознания не только включает в себя эмоциональные и аксиологические аспекты, но и находится под их воздействием²⁷.

Данный подход имеет глубокое философское обоснование и покоится на солидной теоретико-методологической основе исследования сознания и познания²⁸. Он позволяет смотреть на различные формы и уровни общественного сознания с точки зрения степени представленности в них эмоционального компонента, что отвечает философскому пониманию структуры сознания, ядром которого считается знание, пропитанное «сложной тканью эмоциональных переживаний, целевой устремленности, намерений и интересов»²⁹. Это и дает основание некоторым исследователям не включать в структуру некоторых форм общественного сознания (политического, правосознания, науки, философии) чувства, эмоции, настроения³⁰ либо утверждать, что указанные формы косвенно находятся под влиянием эмоциональных явлений³¹.

Такой подход позволяет признать, что функционирование социальных страхов становится более наглядным как раз при сохранении методологических установок, предполагающих разграничение форм и уровней общественного сознания. В этом смысле можно говорить о политических, экономических, экологических страхах и тревогах и т.п. Так, например, та или иная правовая норма

в случае ее нарушения предполагает применение санкций, способных вызвать тревогу и страх. Это подтверждается и эмпирическими исследованиями, показывающими, что в структуре правосознания страх наказания занимает далеко не последнее место. Так, в исследовании, проведенном в 70-х годах XX века, 9% городских жителей характеризовали свою правовую установку на соблюдение закона как «страх перед наказанием»³². Время от времени возникающие в СМИ или науке дискуссии об ужесточении санкций за совершение того или иного преступления, даже если они и не решают проблему преступности, есть не что иное, как полемика о роли страха в предотвращении противоправного действия.

Кроме того, скажем, катастрофизм может присутствовать как на теоретическом, так и на обыденном уровне общественного сознания. Например, ожидание конца света и массовые апокалипсические настроения западноевропейского средневековья продиктованы теоретически обоснованной в теологии и выраженной эстетически в религиозном искусстве эсхатологией³³. В свою очередь, эсхатологическими предчувствиями проникнуты и некоторые алармистские теории развития человеческой цивилизации. При этом страхи и тревоги, актуальные для науки, не всегда имеют значение для обыденного сознания, а страхи, характерные для одной формы общественного сознания (например, экологическое сознание), не всегда актуальны для другой (религиозное сознание).

Имеется и еще один немаловажный аспект. Иерархия форм общественного сознания обусловлена социально-историческими условиями. В разные эпохи на первый план выходят то одни, то другие формы общественного сознания. Та или иная форма общественного сознания становится «ведущей силой духовной жизни общества», оказывая решающее влияние на духовную жизнь общества в целом и остальные формы общественного сознания. Так, в античности это было искусство, в Средние века — религия, в эпоху Возрождения — наука и искусство³⁴. Те или иные формы общественного

²⁷ Овчинников Г.К. Структура общественного сознания в свете современного развития науки и техники // Вестник МГИУ. Серия «Гуманитарные науки». 2003. № 2 (4). С. 67-85.

²⁸ Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984. С. 165-186; Афанасьев Б.Г. Избранные труды по психологии. В 2-х тт. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. Т. 1. С. 74-86.

²⁹ Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. С. 109.

³⁰ Горячева А.И., Макаров М.Г. Общественная психология (философская и социально-политическая характеристика). Л.: Наука, 1979. С. 169; Парыгин Б.Д. Общественное настроение. М.: Мысль, 1966. С. 181.

³¹ Чагин Б.А. Структура и закономерности общественного сознания. Л.: Наука, 1982. С. 106.

³² Каминская В.И., Волошина Л.Д. Криминологическое значение исследований нравственного и правового сознания // Советское государство и право. 1977. № 1. С. 73.

³³ Делюмо Ж. Идентификация ужаса. М.: Алгоритм, 2009. С. 164-173.

³⁴ Чагин Б.А. Структура и закономерности общественного сознания. Л.: Наука, 1982. С. 108.

сознания не просто перемещаются из центра на периферию и наоборот, но начинают играть в общественном сознании доминирующую роль, оказывают влияние на содержание и функции всех остальных духовных явлений данной системы³⁵. Подобный пример приводит в своем исследовании византийской культуры X-XII вв. А.П. Каждан, утверждавший, что основные компоненты общественной жизни (труд, собственность, знания, человеческая жизнь) были относительными ценностями для византийцев, поскольку социальным идеалом являлась духовная сфера, мир сверхъестественного, к которому каждому следовало стремиться посредством смирения, благочестия, подвижничества. «Соответственно этому основным ценностным критерием оказывалась душеполезность. Всякое явление действительности расценивалось с этих позиций — является ли оно душеполезным или нет, подготавливает оно человека к спасению, к Царству Небесному или, наоборот, мстит ему дорогу в ад»³⁶.

Уяснение специфики социального страха как явления общественного сознания требует обращения к анализу соотношения обыденного и теоретического уровней общественного сознания. В отечественной социальной философии специфика обыденного сознания, как правило, определялась через его сопоставление с теоретическим уровнем и наоборот. Это позволяло говорить о том, что обыденное сознание в отличие от научно-теоретического уровня характеризуется менее глубоким проникновением в сущность явлений, поверхностными, эмпирическими представлениями, непосредственно связанными с будничной практикой, привычками, традициями и житейским опытом. Содержание обыденного сознания отвечает критериям практичности, полезности, в его структуре доминируют знания, позволяющие человеку ориентироваться прежде всего в повседневной деятельности. В связи с этим выделялись такие характеристики, как стихийность, случайность формирования обыденного сознания, его первичность по отношению к другим уровням сознания, наличие в его содержании истинных знаний и заблуждений, рациональных и иррационалистических воззрений, «статическое» понимание

действительности, «отставание» от научно-теоретического осмысления реальности, более медленное развитие³⁷.

Данные характеристики позволяют говорить о различиях в иерархических группировках социальных страхов в обыденном и научно-теоретическом сознании. Это различие во многом связано с уровнем познания действительности и содержанием знания, которое является инструментом превращения тревоги, не имеющей определенного объекта, в страх перед конкретной угрозой. В обыденном сознании конкретизация угроз обусловлена непосредственным житейским опытом, в то время как в науке перечень опасностей выходит далеко за рамки обыденной практики. В своих изысканиях наука способна уйти настолько далеко, что современникам тревожные прогнозы ученых могут показаться необоснованными. Однако, если общественные ценности, угроза которым вызывает страх и тревогу ученого, становятся интериоризованными, освоенными массами, они способны порождать страхи и тревоги и в обыденном сознании. Иными словами, актуальные для ученого проблемы и опасности приобретают у носителей обыденного сознания «личный смысл» (А.Н. Леонтьев), особую значимость, в силу чего и порождают беспокойство и неуверенность. Примером могут служить экологические страхи россиян, формирующиеся в том числе под влиянием знаний об экологических проблемах.

Современные исследователи обыденного сознания, рассматривающие его в рамках категории «повседневность», отмечают еще один немаловажный аспект. Обыденное сознание связано не просто с будничной житейской деятельностью, но с практикой, лишенной риска и неопределенности, или представляемой таковой в сознании³⁸.

Неслучайно обыденное сознание рассматривается как существующий между общественным и индивидуальным сознанием «медиатор», нейтрализующий противоречия других форм и уровней сознания и обеспечивающий толерантность к ним

³⁵ Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. С. 61-62, 77.

³⁶ Каждан А.П. Византийская культура (X-XII вв.). Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Алетейя, 1997. С. 170.

³⁷ Общественное сознание и его формы. М.: Политиздат, 1986. С. 55; Общество и сознание / Под ред. А.К. Уледова. М.: Прогресс, 1984. С. 169-171; Ойзерман Т.И. Философия и обыденное сознание // Вопросы философии. 1967. № 4. С. 119-123; Кочергин А.Н. Проблемы научного творчества. Смоленск: СГПУ, 2005. С. 98.

³⁸ Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004. С. 307-309.

посредством утверждения принципов непротиворечивости и стабильности обыденной жизни³⁹. Это не избавляет обыденность от противоречий или риска, но позволяет не замечать их до определенного момента. Добавим, что исследованные в социальной психологии феномен каузальной атрибуции, в социологии — «документальный метод интерпретации» (Г. Гарфинкель) являются механизмами повседневной рациональности, поддерживаемыми в сознании образы привычной обыденной практики, не знающей страха.

Один из ключевых аспектов духовной жизни общества — это соотношение общественной психологии и идеологии. Под общественной психологией принято понимать детерминированные общественными условиями социально-типические черты той или иной социальной общности⁴⁰, необходимый компонент всех форм общественного сознания⁴¹, «слой» общественного сознания, в силу своей диффузности наиболее тесно примыкающий ко всем формам общественного сознания⁴².

По мнению А.К. Уледова, общественная психология входит в общественное сознание, но не является областью духовной жизни, так как не связана с определенным видом духовной деятельности. Общественная психология — это состояние, которое испытывает духовная сфера общества. А состояние выражает некое отношение к действительности, поскольку все проявления сознания способны отражать и выражать отношение к объектам⁴³.

Выявление сущностных характеристик общественной психологии через ее противопоставление идеологии позволяло исследователям акцентировать внимание на стихийно возникающем эмоционально-волевом компоненте первой в отличие от рациональности второй⁴⁴. Несмотря на

то, что в составе общественной психологии выделялись многообразные элементы, такое противопоставление для исследователей было едва ли не ключевым критерием при разграничении этих явлений духовной жизни общества.

Соответственно в общественной психологии познавательный компонент подчиняется эмоционально-волевому, в ней преобладает неоднородность (стабильностью и устойчивостью одних ее элементов и подвижностью других), смешение существенного и несущественного (элементы быта, потребления могут занимать более важное место, чем в идеологии), что обусловлено непосредственными условиями жизнедеятельности⁴⁵.

Идеология же рассматривалась учеными как абстрактно-теоретическое осмысление реальности и осознание интересов социальных общностей, отличающаяся от общественной психологии по своему источнику, содержанию, структуре и способу отражения реальности. Поэтому специфика идеологии определялась посредством таких признаков, как логичность, организованность, целенаправленность, а к числу ее важнейших функций были отнесены функции ориентировки, мобилизации и организации социальной активности⁴⁶.

В постсоветской науке указанные признаки и функции идеологии не отвергались, но дополнялись и получали новую интерпретацию. Так, А.А. Зиновьев признавал, что идеология не возникает стихийно, а является результатом деятельности специалистов. Ее возникновение обусловлено потребностью в понимании происходящего вокруг, что объясняет использование идеологией элементов научности (классификации, понятия, обобщения и т.п.). Однако идеология выполняет иные по сравнению с наукой задачи, в силу чего в ней присутствует видимость научности, алогичность, пристрастность, языковые и ментальные клише, стереотипы. Поэтому А.А. Зиновьев подчеркивал, что идеология формирует у человека определенное представление

³⁹ Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001. С. 120.

⁴⁰ Левыкин И.Т. Классовая психология // Социальная психология. Краткий очерк / Под ред. Г.П. Предвечного, Ю.А. Шерковина. М.: Политиздат, 1975. С. 118.

⁴¹ Чагин Б.А. Структура и закономерности общественного сознания. Л.: Наука, 1982. С. 59.

⁴² Горячева А.И., Макаров М.Г. Общественная психология (философская и социально-политическая характеристика). Л.: Наука, 1979. С. 57.

⁴³ Уледов А.К. Общественная психология и идеология. М.: Мысль, 1985. С. 63.

⁴⁴ Михайлов Ф.Т. Общественное сознание и самосознание индивида. М.: Наука, 1990. С. 68.

⁴⁵ Горячева А.И., Макаров М.Г. Общественная психология (философская и социально-политическая характеристика). Л.: Наука, 1979. С. 54, 58-59.

⁴⁶ Общество и сознание / Под ред. А.К. Уледова. М.: Прогресс, 1984. С. 127-129; Левыкин И.Т. Классовая психология // Социальная психология. Краткий очерк / Под ред. Г.П. Предвечного, Ю.А. Шерковина. М.: Политиздат, 1975. С. 126-127.

о действительности, зачастую «нужное» видение реальности. Отсюда вытекает ряд требований к идеологии: она должна быть понятной всем без специальной подготовки, отвечать потребностям людей и восприниматься как убедительная. В силу этих особенностей идеология способна формировать в сознании людей специфическое видение реальности⁴⁷.

В отличие от общественной психологии идеология не является побудительной силой, непосредственно влияющей на деятельность людей. Она приобретает влияние лишь в том случае, когда превращается в элемент массового сознания. Для этого она должна быть соотнесена с потребностями, интересами и настроениями людей, то есть с общественной психологией⁴⁸.

Иными словами, идеологические установки начинают выполнять мобилизующую функцию лишь в том случае, когда они отвечают необходимости удовлетворения потребностей, сформированных объективными условиями бытия людей. В такой ситуации идеологические постулаты окрашиваются эмоционально и получают аксиологическое измерение. Выражая то, что не может выразить общественная психология и обыденное сознание, идеология активно проникает в то и другое и в конечном счете оказывает воздействие на поведение людей.

Данное теоретическое положение о соотношении идеологии и общественной психологии позволяет понять, почему идеология обращается к социальным страхам. Компонентом политической идеологии и соответственно политического сознания, коль скоро политическая идеология есть его составная часть, является образ врага, вызывающего страх и тревогу. Дихотомия «друг — враг», образ врага в большей или меньшей степени всегда присутствуют в политической сфере общества. А эффективность самой политической идеологии проявляется в тех случаях, когда внешний мир предстает враждебной силой, вызывающей страх и агрессию как защитную реакцию⁴⁹.

Консолидация общества и его жизнеспособность, во многом основанная на такой консолида-

ции, формируется за счет угрозы, артикулируемой в политической пропаганде и теоретически обоснованной в политической идеологии. При этом зачастую не имеет значения содержательная сторона внешней угрозы, не важным оказывается, кто именно выступает врагом. Главное, что его наличие позволяет обществу объединять усилия в достижении поставленных целей. Об этом свидетельствует, например, отмечаемое публицистами и аналитиками повышение сплоченности американской нации после событий 11 сентября. Следует упомянуть и другие многочисленные примеры — «империя зла», угроза ядерной войны, образ врага в американском кино (преступные китайцы и русская мафия, жестокие сербы и психически нездоровые арабские террористы) — все это кинематографические персонификации стран, попадающих в зону жизненно важных интересов США. С другой стороны, США как враг номер один в политической идеологии арабских стран выполняет аналогичные функции.

Таким образом, разграничение форм и уровней общественного сознания выступает основой дифференциации социальных страхов, что конкретизирует картину их функционирования (экономические, политические, религиозные страхи и т.д.) как духовного явления. Социальные страхи как феномен общественного сознания отражают закономерности соотношения эмоционального и рационального, теоретического и обыденного в общественном сознании, его форм, взаимосвязей духовной и других сфер общества. Репертуар социальных страхов, их иерархия определяются спецификой доминирующей в тот или иной исторический период формы общественного сознания, а также соотношением его теоретического и обыденного уровней, идеологии и общественной психологии. В качестве явления общественной психологии социальные страхи оказывают воздействие на волю социального субъекта, его активность, что сказывается на его специфических социально-психологических состояниях от беспокойства и разочарования до выражения протеста в различных формах действия.

⁴⁷ Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М.: Алгоритм, 2003. С. 8, 19-53.

⁴⁸ Михайлов Ф.Т. Общественное сознание и самосознание индивида. М.: Наука, 1990. С. 76.

⁴⁹ Гаджиев К.С. Политическая идеология: концептуальный аспект // Вопросы философии. 1998. № 12. С. 5.

Список литературы:

1. Ананьев Б.Г. Избранные труды по психологии. В 2-х тт. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. Т. 1. 421 с.
2. Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М.: Мысль, 1988. 253 с.
3. Анищенко А.И., Уледов А.К. Применение структурно-функционального анализа к исследованию общественного сознания // Актуальные вопросы методологии общественных наук. М.: МГУ, 1971. С. 74-98.
4. Арутюнян К.С. Трансформация общественного сознания в условиях социального кризиса. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск: Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 2013. 20 с.
5. Барулин В.С. Диалектика взаимодействия сфер общественной жизни. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 230 с.
6. Гаджиев К.С. Политическая идеология: концептуальный аспект // Вопросы философии. 1998. № 12. С. 3-20.
7. Горячева А.И., Макаров М.Г. Общественная психология (философская и социально-политическая характеристика). Л.: Наука, 1979. 216 с.
8. Григорьев С.И. Социологический витализм в истории и современной социальной теории: культуроцентричность развития // Социология. 2004. № 1. С. 107-109;
9. Григорьев С.И. Социологический витализм: теоретико-методологический потенциал и технологические возможности // Социология. 2005. № 2. С. 8-19.
10. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 367 с.
11. Грушин Б.А., Бурдые П., Шампань П. Общественное мнение // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 214-220.
12. Делюмо Ж. Идентификация ужаса. М.: Алгоритм, 2009. 240 с.
13. Зиновьев А. А. Идеология партии будущего. М.: Алгоритм, 2003. 240 с.
14. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
15. Каждан А.П. Византийская культура (X-XII вв.). Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Алетейя, 1997. 280 с.
16. Каминская В.И., Волошина Л.Д. Криминологическое значение исследований нравственного и правового сознания // Советское государство и право. 1977. № 1. С. 71-75.
17. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004. 432 с.
18. Косов А.В. Мифосознание: содержание и структура // Аналитика культурологии. 2007. № 2(8). (URL: <http://anaculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=listsubjects>).
19. Кочергин А.Н. Проблемы научного творчества. Смоленск: СГПУ, 2005. 167 с.
20. Лавриненко В.Н. Духовная жизнь общества: социально-философское измерение // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 193-198.
21. Левыкин И.Т. Классовая психология // Социальная психология. Краткий очерк / Под ред. Г.П. Предвечного, Ю.А. Шерковина. М.: Политиздат, 1975. С. 117-153.
22. Леопа А.В. Историческое сознание как метод научного познания // Философия и культура. 2012. № 3. С. 108-114.
23. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
24. Михайлов Ф.Т. Общественное сознание и самосознание индивида. М.: Наука, 1990. 222 с.
25. Моркина Ю.С. Социально-конструктивистский подход к феноменам сознания // Психология и психотехника. 2014. № 6. С. 587-596. (DOI: 10.7256/2070-8955.2014.6.12164).
26. Общественное сознание и его формы. М.: Политиздат, 1986. 362 с.
27. Общество и сознание / Под ред. А.К. Уледова. М.: Прогресс, 1984. 240 с.
28. Овчинников Г.К. Структура общественного сознания в свете современного развития науки и техники // Вестник МГИУ. Серия «Гуманитарные науки». 2003. № 2(4). С. 67-85.
29. Ойзерман Т.И. Философия и обыденное сознание // Вопросы философии. 1967. № 4. С. 119-123.
30. Парыгин Б.Д. Общественное настроение. М.: Мысль, 1966. 327 с.
31. Попов В.Д. Экономическое сознание: сущность, формирование и роль в социалистическом обществе. М.: Мысль, 1981. 240 с.
32. Сатаров Г.А. Общественное мнение и общественное сознание: реальность и миф // Общественные науки и современность. 2007. № 4. С. 5-23.
33. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. 303 с.
34. Тамбянц Ю.Г. Иерархическое сознание как социальный феномен: методологические и прикладные аспекты // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России»: В 16-и тт. М.: Альфа-М, 2006. Т. 1. С. 135-138.
35. Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате социологии // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 3-16.
36. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. 398 с.
37. Тощенко Ж.Т. Социология жизни как социологическая концепция исследования социальной реальности // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 3-12.
38. Троско Р.А. Виталистская социальная философия: миф или реальность? // Социология. 2006. № 2. С. 188-194.
39. Уледов А.К. Духовная жизнь общества. Методологические проблемы исследования. М.: Мысль, 1980. 271 с.
40. Уледов А.К. Общественная психология и идеология. М.: Мысль, 1985. 268 с.
41. Уледов А.К. Структура общественного сознания (Теоретико-социологическое исследование). М.: Мысль, 1968. 324 с.
42. Улыбин К.А. Современное экономическое мышление. М.: Политиздат, 1987. 239 с.
43. Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001. 263 с.
44. Фофанов В.П. Экономические отношения и экономическое сознание. Новосибирск: Наука, 1979. 270 с.
45. Чагин Б.А. Структура и закономерности общественного сознания. Л.: Наука, 1982. 246 с.
46. Шукшина Л.В. Иллюзорное сознание и его функции // Интеграция образования. 2006. № 4. С. 149-153.

References (transliteration):

1. Anan'ev B.G. Izbrannye trudy po psikhologii. V 2-kh tt. SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 2007. T. 1. 421 s.
2. Anisimov S.F. Dukhovnye tsennosti: proizvodstvo i potreblenie. M.: Mysl', 1988. 253 s.
3. Anishchenko A.I., Uledov A.K. Primenenie strukturno-funktsional'nogo analiza k issledovaniyu obshchestvennogo soznaniya // Aktual'nye voprosy metodologii obshchestvennykh nauk. M.: MGU, 1971. S. 74-98.
4. Arutyunyan K.S. Transformatsiya obshchestvennogo soznaniya v usloviyakh sotsial'nogo krizisa. Avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Saransk: Mord. gos. un-t im. N.P. Ogareva 2013. 20 s.
5. Barulin V.S. Dialektika vzaimodeistviya sfer obshchestvennoi zhizni. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. 230 s.
6. Gadzhiev K.S. Politicheskaya ideologiya: kontseptual'nyi aspekt // Voprosy filosofii. 1998. № 12. S. 3-20.
7. Goryacheva A.I., Makarov M.G. Obshchestvennaya psikhologiya (filosofskaya i sotsial'no-politicheskaya kharakteristika). L.: Nauka, 1979. 216 s.
8. Grigor'ev S.I. Sotsiologicheskii vitalizm v istorii i sovremennoi sotsial'noi teorii: kul'turotsentrichnost' razvitiya // Sotsiologiya. 2004. № 1. S. 107-109.
9. Grigor'ev S.I. Sotsiologicheskii vitalizm: teoretiko-metodologicheskii potentsial i tekhnologicheskie vozmozhnosti // Sotsiologiya. 2005. № 2. S. 8-19.
10. Grushin B.A. Massovoe soznanie: Opyt opredeleniya i problemy issledovaniya. M.: Politizdat, 1987. 367 s.
11. Grushin B.A., Burd'e P., Shampan' P. Obshchestvennoe mnenie // 50/50: Opyt slovarya novogo myshleniya. M.: Progress, 1989. S. 214-220.
12. Delyumo Zh. Identifikatsiya uzhasa. M.: Algoritm, 2009. 240 s.
13. Zinov'ev A. A. Ideologiya partii budushchego. M.: Algoritm, 2003. 240 s.
14. Il'enkov E.V. Dialekticheskaya logika: Ocherki istorii i teorii. 2-e izd., dop. M.: Politizdat, 1984. 320 s.
15. Kazhdan A.P. Vizantiiskaya kul'tura (X-XII vv.). Izd. 2-e, ispr. i dop. SPb.: Aleteiya, 1997. 280 s.
16. Kaminskaya V.I., Voloshina L.D. Kriminologicheskoe znachenie issledovaniia npravstvennogo i pravovogo soznaniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1977. № 1. S. 71-75.
17. Kasavin I.T., Shchavelov S.P. Analiz povsednevnosti. M.: Kanon+, 2004. 432 s.
18. Kosov A.V. Mifosoiznanie: sodержanie i struktura // Analitika kul'turologii. 2007. № 2(8). (URL: <http://analculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=listsubjects>).
19. Kochergin A.N. Problemy nauchnogo tvorchestva. Smolensk: SGPU, 2005. 167 s.
20. Lavrinenko Dukhovnaya zhizn' obshchestva: sotsial'no-filosofskoe izmerenie // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. № 3. S. 193-198.
21. Levykin I.T. Klassovaya psikhologiya // Sotsial'naya psikhologiya. Kratkii ocherk / Pod red. G.P. Predvechnogo, Yu.A. Sherkovina. M.: Politizdat, 1975. S. 117-153.
22. Leopa A.V. Istoricheskoe soznanie kak metod nauchnogo poznaniya // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 3. S. 108-114.
23. Lomov B.F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii. M.: Nauka, 1984. 444 s.
24. Mikhailov F.T. Obshchestvennoe soznanie i samosoiznanie individa. M.: Nauka, 1990. 222 s.
25. Morkina Yu.S. Sotsial'no-konstruktivistskii podkhod k fenomenam soznaniya // Psikhologiya i psikhotehnika. 2014. № 6. S. 587-596. (DOI: 10.7256/2070-8955.2014.6.12164).
26. Obshchestvennoe soznanie i ego formy. M.: Politizdat, 1986. 362 s.
27. Obshchestvo i soznanie / Pod red. A.K. Uledova. M.: Progress, 1984. 240 s.
28. Ovchinnikov G.K. Struktura obshchestvennogo soznaniya v svete sovremennoogo razvitiya nauki i tekhniki // Vestnik MGIU. Seriya «Gumanitarnye nauki». 2003. № 2(4). S. 67-85.
29. Oizerman T.I. Filosofiya i obydennoe soznanie // Voprosy filosofii. 1967. № 4. S. 119-123.
30. Parygin B.D. Obshchestvennoe nastroyenie. M.: Mysl', 1966. 327 s.
31. Popov V.D. Ekonomicheskoe soznanie: sushchnost', formirovanie i rol' v sotsialisticheskom obshchestve. M.: Mysl', 1981. 240 s.
32. Satarov G.A. Obshchestvennoe mnenie i obshchestvennoe soznanie: real'nost' i mif // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2007. № 4. S. 5-23.
33. Spirkin A.G. Soznanie i samosoiznanie. M.: Politizdat, 1972. 303 s.
34. Tambyants Yu.G. Ierarkhicheskoe soznanie kak sotsial'nyi fenomen: metodologicheskie i prikladnye aspekty // Tezisy dokladov i vystuplenii na Vserossiiskom sotsiologicheskome kongresse «Globalizatsiya i sotsial'nye izmeneniya v sovremennoi Rossii»: V 16-I tt. M.: Al'fa-M, 2006. T. 1. S. 135-138.
35. Toshchenko Zh.T. O ponyatiinome apparate sotsiologii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2002. № 9. S. 3-16.
36. Toshchenko Zh.T. Paradoksal'nyi chelovek. M.: Gardariki, 2001. 398 s.
37. Toshchenko Zh.T. Sotsiologiya zhizni kak sotsiologicheskaya kontseptsiya issledovaniya sotsial'noi real'nosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2000. № 2. S. 3-12.
38. Trosko R.A. Vitalistskaya sotsial'naya filosofiya: mif ili real'nost'? // Sotsiologiya. 2006. № 2. S. 188-194.
39. Uledov A.K. Dukhovnaya zhizn' obshchestva. Metodologicheskie problemy issledovaniya. M.: Mysl', 1980. 271 s.
40. Uledov A.K. Obshchestvennaya psikhologiya i ideologiya. M.: Mysl', 1985. 268 s.
41. Uledov A.K. Struktura obshchestvennogo soznaniya (Teoretiko-sotsiologicheskoe issledovanie). M.: Mysl', 1968. 324 s.
42. Ulybin K.A. Sovremennoe ekonomicheskoe myshlenie. M.: Politizdat, 1987. 239 s.
43. Ulybina E.V. Psikhologiya obydennoogo soznaniya. M.: Smysl, 2001. 263 s.
44. Fofanov V.P. Ekonomicheskie otnosheniya i ekonomicheskoe soznanie. Novosibirsk: Nauka, 1979. 270 s.
45. Chagin B.A. Struktura i zakonmernosti obshchestvennogo soznaniya. L.: Nauka, 1982. 246 s.
46. Shukshina L.V. Ilyuzornoe soznanie i ego funktsii // Integratsiya obrazovaniya. 2006. № 4. S. 149-153.